

С. Л. Попов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Homo codificans, homo reflectens, homo neglegens: парадоксы коммуникации

Попов С. Л. Homo codificans, homo reflectens, homo neglegens: парадокси комунікації. У статті вивчається можливість застосування створених лінгвістами-персонологами типологій мовних особистостей при з'ясуванні рівня лінгвістичної компетентності того чи іншого носія мови і розглядається полеміка щодо логічності/нелогічності стилістичних поступок узусу під час кодифікації відмінностей між граматичними варіантами. Виділяється новий, не описаний у літературі тип носія мови – homo neglegens як людина, байдужа до мовних фактів, протиставлена homo reflectens як мовній особистості, що оцінювально розмірковує про явища мови. Тип homo neglegens не збігається, а лише перетинається з відомим в науці маргінальним типом особистості. Формулюється гіпотеза про існування двох парадоксів комунікації у відносинах учасників ситуації кодифікації.

Ключові слова: *мовна норма, граматична варіантність, стилістичні відмінності, мовна особистість, узус, гіпотеза, парадокс.*

Попов С. Л. Homo codificans, homo reflectens, homo neglegens: парадоксы коммуникации. В статье изучается возможность применения созданных лингвистами-персонологами типологий языковых личностей при выяснении уровня лингвистической компетентности того или иного носителя языка и рассматривается полемика по поводу логичности/нелогичности стилистических уступок узусу при кодификации различий между грамматическими вариантами. Выделяется новый, не описанный в литературе тип носителя языка – homo neglegens как человек, равнодушный к языковым фактам, противопоставленный homo reflectens как языковой личности, оценивающей размышляющей о явлениях языка, но не совпадающей, а лишь пересекающийся с известным в науке маргинальным типом личности. Формулируется гипотеза о существовании двух парадоксов коммуникации в отношениях участников ситуации кодификации.

Ключевые слова: *языковая норма, грамматическая вариантность, стилистические различия, языковая личность, узус, гипотеза, парадокс.*

Popov S.L. Homo codificans, homo reflectens, homo neglegens: paradoxes of communication. This paper studies the possibility of application of typologies of linguistic personalities which were created by linguists personologists in clarifying the level of linguistic competence of a native speaker, and the debate about consistency/inconsistency of stylistic concessions to usage when codifying the differences between grammatical variants is considered. A new type of native speaker, not described in the literature, is nominated – homo neglegens as a person which is indifferent to linguistic facts, opposed to homo reflectens as a linguistic personality, which is speculating reflectively about the phenomena of language, and which is not identical, but only intersects with a well-known in science marginal personality type. A hypothesis about the existence of two paradoxes of communication in a relationship of participants of codification situation.

Keywords: *language norm, grammatical variance, stylistic differences, linguistic personality, usage, hypothesis, paradox.*

*В первый же день, чтобы угодить эфиопам,
Кири остров назвал Багровым, в честь основного эфиопова цвета,
и этим эфиопов, равнодушных к славе, не прельстил, а арапов
обозлил.*

М. А. Булгаков, «Багровый остров»

В современной, антропоцентрически ориентированной, лингвистической парадигме закономерно велика когнитивная составляющая. Изменения ментальности носителей русского языка в эпоху перемен стимулируют интерес исследователей к языковой личности, понятие которой введено в научный обиход Ю. Н. Карауловым [9] почти четверть века назад, то есть в то время, когда единственной значимой переменной в жизни социума была Перестройка. Последовавшие затем социальные потрясения, в целом демократизировавшие и даже раскрепостившие как социальное, так и языковое поведение носителей языка, лишь обострили внимание лингвистов к различным проявлениям языковой деятельности. Соответственно, появлялись и продолжают появляться новые типологии языковых личностей [8, там же см. обзор литературы], разрабатываются понятия индивидуального и группового речевых портретов [10], проводятся соответствующие психолингвистические наблюдения [7], появляются работы, посвященные метаязыковой рефлексии в постсоветский период [3].

В это же эпохальное время хоть и не весьма интенсивно, но все же поддерживается интерес к ортологическому аспекту языка, в том числе такому проблемному в познавательном и дидактическом плане, как диспозитивность (вариантность) грамматических норм [5; 4; 17; 2]. Однако в целом диспозитивно-грамматическая ортология продолжает существовать изолированно от основного массива антропоцентрически ориентированных исследований.

Целями настоящей статьи являются выяснение причин невнимания лингвистов-персонологов к грамматической вариантности и попытка как дифференциации носителей языка по их отношению к знанию кодифицированных различий между грамматическими вариантами, так и осмысления актуальности такого знания для разных типов носителей языка.

Вероятнее всего, невнимание языковедов-персонологов к грамматической вариантности объясняется тем, что в своей пионерской работе Ю. Н. Караулов знание грамматической вариантности – как готовность выбрать ситуативно уместный грамматический вариант – поместил на нулевой (низший из трех предложенных) уровень в модели готовностей языковой личности [9:36–37]. Готовность, как известно, предполагает автоматизм. Это означает, что языковая личность на нулевом уровне своих готовностей должна автоматически, не задумываясь, выбирать уместный вариант грамматической нормы, как-то: *туристский* или *туристический* (пример «простоты выбора» варианта от Ю. Н. Караулова [9:36]), *черный кофе* или *черное кофе*, *встретил троих друзей* или *встретил трех друзей*, *Джон и Мария Апдайк* или *Джон и Мария Апдайки*, *я знаком с Робертом Матлиным* или *я знаком с Робертом Матлином*, *несколько автомобилей проехало мимо* или *несколько автомобилей проехали мимо*, *большинство сотрудников курит* или *большинство сотрудников курят*, *ждать поезда* или *ждать поезд* и мн. др. Из такого автоматизма не менее автоматически следует приговор тому, кто этому критерию не соответствует: носитель языка, не обладающий готовностью употребить уместный грамматический вариант, не может претендовать даже на нулевой уровень готовностей языковой личности.

Жесткость требований Ю. Н. Караулова разделяется не всеми его последователями. Как пишет В. И. Карасик, «к числу дискуссионных относится вопрос о том, может ли каждый говорящий рассматриваться как языковая личность» [8:12]. Большинство лингвистов-персонологов дают утвердительный ответ на этот вопрос. Мы со своей стороны можем указать на то, что даже весьма осведомленные носители языка, в частности преподающие его на филологических, журналистских и подготовительных (для иностранных граждан) факультетах вузов четвертого уровня аккредитации, при выборе уместного варианта грамматической нормы иногда вынуждены надолго задумываться или же сразу обращаться к ортологической литературе. В этом нет ничего непрофессионального-некомпетентного, как может показаться на первый взгляд. Абсолютное знание различительных алгоритмов в сфере грамматической вариантности невозможно уже потому, что его просто не существует (не все различия изучены, и не по каждому различительному алгоритму имеется едиனுшие кодификаторов – см. [16]), как не существует и абсолютного владения языком. Л. П. Крысин во время сравнительно недавнего радиоэфира заметил: «Лев Владимирович Щерба – был такой замечательный лингвист – говорил, что человек изучает иностранный язык в школе, потом в институте и считает, что он его изучил. А родной язык он изучает всю жизнь, и никто о себе не решится сказать, что он в совершенстве им владеет. Потому что даже лингвисты или специалисты по орфоэпии и другим сферам языка не могут о себе такого сказать. Всё равно какие-то отклонения могут быть. И потом, постичь всё богатство языка – это, конечно, утопично» [13].

Для современного состояния ортологии важно осознание того факта, что грамматическая вариантность (в отличие от фонетической, в частности акцентологической) есть проявление не столько конкуренции языковых явлений, сколько богатства языка [6]. Общепризнанно также, что нормативность языкового явления возможна при наличии трех признаков: 1) соответствия языкового явления структуре языка; 2) массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в ходе коммуникации; 3) общественного одобрения и признания такого явления нормативным. Главной формой такого одобрения является кодификация, носящая по отношению к норме ретроспективный характер [15].

Однако при словарно-справочной фиксации вариантных норм наблюдаются преувеличения их стилистических характеристик, свидетельствующие об игнорировании кодификаторами двух из указанных признаков нормативности: массовой и регулярной воспроизводимости явления, а также общественного одобрения и признания такого явления нормативным. Одному из двух вариантов –

для грамотных носителей языка, бесспорно, просторечному – ученые-кодификаторы присваивают разговорный статус.

Например, в таких парах, как *черный кофе – черное кофе, обусловливать – обуславливать, 2, 3, 4 новые книги – 2, 3, 4 новых книги*, первые варианты фиксируются как правильные и общелитературные, а вторые – как разговорные и даже равноправные [14:93, 166–167; 5:104, 266, 40–41; 2:102, 220, 259–260; 4:318, 383]. Варианты типа *согласно закону* определяются как общелитературные, а варианты типа *согласно закона* – как являющиеся нормой официально-делового стиля (с примером из речи российского политика Геннадия Селезнева) [2:301–302].

Против описанных уступок узусу выступает немало вполне компетентных носителей языка, понимающих разговорность как проявление системы литературного языка с возможностью выбора разговорного варианта в рамках самой системы, а не как повышение стилистического статуса не входящего в эту систему просторечия.

По нашему мнению, такие носители языка, логически не согласные с преувеличением стилистического статуса просторечия, вполне подпадают под введенное И. Т. Вепревой понятие *homo reflectens*, которое означает человека рефлексирующего, т.е. языковую личность эпохи общественных и языковых перемен, оценивающе размышляющую о явлениях языка и речи [3:87]. Логично допустить, что следствием такого понимания является и важная для наших целей мысль о том, что *homo reflectens* означает также человека, стремящегося к большей лингвистической компетентности и потому откликающегося (одно из значений глагола *reflectere* – 'отражать') на аргументированные коррекции его речевого поведения.

Основными же чертами группового речевого портрета ученых-кодификаторов – назовем их *homo codificans* – являются высший уровень лингвистической компетентности и социально-профессиональный статус рекомендателей – корректоров речевого поведения. Нет сомнений в негативном отношении *homo codificans* к просторечию, но, имея такое к нему отношение, они пребывают в постоянном ожидании упреков в навязывании «рядовым» носителям языка якобы нереальных (стилистически завышенных) норм. Перед *homo codificans* стоит непростая задача достичь компромисса, на пути к которому трудно избежать противоречий.

По убеждению одного из известнейших *homo codificans* Л. П. Крысина, само по себе широкое распространение языкового явления не может быть основанием для фиксации его нормативности: «если в массе своей люди будут говорить *документ*, по-видимому, это нормой не станет. Потому что *портфель* и *документ* – это сильное отклонение от того, как слово ударяется в языке-источнике» [13]. Выходит, что если широкое распространение *документ* сменится широким распространением *документ*, то новый вариант придется все же запретить? Но такое субъективное волевое воздействие противоречит принципам кодификации (хотя *homo reflectens*, безусловно, только приветствовали бы подобное действие).

Homo codificans не могут не стремиться к гиперкорректности и потому предостерегают друг друга от «впадения» в субъективизм: «Следует прямо сказать, что рекомендации по культуре речи обычно даются специалистами в этой области на основе своего собственного языкового чутья, а наука требует объективности, думаю, даже в том случае, когда исследователь убежден в непогрешимости своих рекомендаций» [17:47]. Однако нелегко быть объективным при рассмотрении фонетических, в частности акцентологических, вариантов: в этом случае семантические аргументы отсутствуют, а аргументы стилистические (вроде таких, как «Ну что вы! *Документ* – это же просторечие!») всегда можно объявить субъективными. В качестве ориентира *homo codificans* используют «речь образцовых носителей языка», образцовость которых определяется по эстетико-вкусовым показателям [13], не для всех эмпирически очевидным, а потому для части носителей языка – все равно субъективным.

Нам представляется, что у *homo codificans* есть еще один ориентир – языковой вкус *homo reflectens*, ведь эти последние являются не только весьма эмоциональными и не всегда абсолютно грамотными критиками, но и уже состоявшимися или стремящимися к такому «состоянию» языковыми личностями, в силу чего и оказываются самыми надежными союзниками *homo codificans* в борьбе за свободу литературного языка от просторечия. Можно выразить лишь сожаление по поводу того, что постоянные призывы *homo reflectens* не олитературивать просторечие парадоксальным образом не воспринимаются стремящимися к тому же учеными – *homo codificans*. Хочется верить в то, что, допуская разговорность просторечия, игнорируя протесты *homo reflectens*, рано или поздно *homo codificans* придут к взвешенной рефлексии по поводу и корректности/некорректности кодификации просторечия, и самой целесообразности уступок его носителям.

Прежде чем прояснить мысль об указанной нами (не)целесообразности уступок носителям просторечия, проанализируем фрагмент высказывания Л. П. Крысина: «постепенно, по мере того как накапливались наблюдения за тем, как говорят люди, ... составители словаря склонились к тому, чтобы в качестве допустимого варианта ввести *кофе* среднего рода. Но это же не единственный вариант – среднего рода, а только допустимый!» [13].

Обратимся к фиксации слова *кофе* в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ): *черное кофе* – 3 примера: один из книги К.И. Чуковского «Живой как жизнь (разговор о русском языке)» (1962) – как пример неправильный (рядом с **я был ушёдши* вместо *я уходил*); второй – из повести М. С. Шагинян «Перемена» (1923) – как отражение просторечия персонажа; третий – из заметок П. И. Огородникова о Персии (1874); *черный кофе* – 56 примеров; *горячее кофе* – 1 (А. Грин), *горячий кофе* – 29; *мое кофе* – 2 (оба примера – прямая речь персонажей), *мой кофе* – 10; *кофе сбежало* – 0, *кофе сбежал* – 2; *кофе вскипело* – 0, *кофе вскипел* – 1. Такие видовые по отношению к *кофе* слова, как *эспрессо*, *капучино* и *американо*, в примерах НКРЯ ни разу не встречаются в среднем роде.

Понятно, что в НКРЯ отражены в основном примеры письменной речи и что выходят такие примеры из-под пера языковой элиты, *homo reflectens*, которая не в устной речи из двух стилистических вариантов обычно (без цели стилизации) предпочитает вариант не сниженный. С одной стороны, это прямая поддержка вкусовых предпочтений образцовых носителей языка, на которых призывают равняться *homo codificans*. С другой – вроде бы получается, что для фиксации стилистических различий НКРЯ почти ничего не дает. Однако для наших целей это *почти* весьма показательно, потому что оно означает: иногда, при необходимости изобразить речевой портрет персонажа (а в устной речи – также с коммуникативной целью понравиться окружающему их в конкретной ситуации социуму, как это в шутку делал, например, знаменитый металлург академик И.П. Бардин – см. об этом в [11]), *homo reflectens* осуществляют стилизацию под просторечие. Из возможности такой стилизации следует важный вывод: бесспорно, элита, *homo reflectens*, воспринимает вариантность и, соответственно, осознаёт возможность выбора уместного варианта, но при этом весьма сомнительно, что вариантность осознают и носители просторечия, маловероятно, что тот, кто говорит *согласно закона* или *черное кофе*, осознаёт, что вообще осуществляет какой-то выбор. И если он действительно не осознаёт возможность выбора, то для него этот выбор как проблема не существует. Следовательно, рекомендации *homo codificans* для него – не актуальны, поскольку они ему – безразличны.

Назовем такого равнодушного, холодного, невнимательного, пренебрегающего (в данном случае – лингворекомендациями) носителя просторечия *homo neglegens*. Полагаем, близкий к этому понятию термин лингвиста-персонолога В. П. Нерознака «маргинал» [12:116] для наших целей не подходит, так как его содержание лишь пересекается с понятием равнодушного носителя просторечия. В отличие от «опустившихся» маргиналов, *homo neglegens* могут быть вполне уважаемыми, успешными и даже публичными людьми. Вот что говорит о таких носителях языка Л. П. Крысин: «К сожалению, в новое время (в конце 80-х – начале 90-х гг.) к власти и вообще в публичную жизнь пришли люди, для которых общаться на жаргоне, на просторечии, на каких-то ненормативных вариантах русского языка легче, чем на литературном языке. Отсюда пошли все эти *начать*, *углубить* и так далее» [13]. Более того, в отличие от «законсервировавшихся» на одном, самом низком, культурном уровне маргиналов, *homo neglegens* могут не только стремиться к карьерному, очень часто – административному, росту, но и иметь свое, начальственное, отношение к языковым явлениям (как тут не вспомнить Шалтая-Болтая с его «приказным» отношением к значениям слов!) и в таком случае быть равнодушными к «чужим», например рекомендуемым учеными – *homo codificans*, языковым явлениям, не включенным в их административные стереотипы. Е. Е. Шпаковская поведала научному сообществу о проведенном в 2010 году исследовании устной и письменной речи чиновников Челябинской и Оренбургской областей. Количество выявленных нарушений языковых норм, в основном норм императивных, превзошло все ожидания: *процент*, *квартал*, *портфель*, *красивее*, *основополагающий фундамент*, *свободная вакансия*, в статье *описывается о том, что, голосовать по кандидатуре* и т.д. Но главное в этом исследовании – не количество и не виды ошибок. Е. Е. Шпаковская, удивляя (далее цитируемым) многих, не может скрыть и своего изумления: «Оказывается, при выборе языкового варианта ... решающую роль играет аргумент: «Так пишет глава администрации» или «Так требует начальник». Для закрепления этих «профессиональных» традиций используются подобные же средства: инструкции по составлению служебных документов, методические рекомендации и т. п. Другими словами, подобные нормы

также кодифицированы. Источником нормы здесь является вышестоящее руководство, не всегда в совершенстве владеющее русским языком» [18]. Комментарии, видимо, излишни, но трудно не зафиксировать аналогии с конструкцией *согласно закона* как нормой официально-делового стиля, зафиксированной, очевидно, и на том основании, что так говорил и, возможно, говорит Геннадий Селезнев.

Следует заметить, что в речи многих, скорее грамотных, нежели наоборот, носителей языка просторечие встречается редко, но коррекции оно не поддается часто: в самом деле, некоторых вполне образованных коммуникантов практически невозможно отучить, например, от одиночных в их речи **более и не менее*, **поняла*, **это мы попутали* (вместо *перепутали*) и многих других. Данный эмпирически очевидный факт заставляет нас предположить существование в среде *homo neglegens* некоего плохо поддающегося исчислению множества подвидов, в той или иной мере не реагирующих на научно справедливую лингвокоррекцию лишь потому, очевидно, что, по убеждению этих носителей языка, их «и так понимают» (стилистические варианты идентифицируются как однозначные и узнаваемые) и «какие-то там их речевые неправильности» им «ничем не грозят». И только если начальник скажет: «Будешь говорить *более и не менее* – уволю!», – вероятнее всего, *homo neglegens* исправится (если, конечно, дорожит местом). Вот только грамотных начальников у нас, как убедительно продемонстрировала в своем исследовании Е. Е. Шпаковская, дефицит.

В. И. Беликов предлагает типологию «стереотипов о кодификации», наблюдаемых у уверенных, неуверенных и неререфлексирующих носителей языка. По отношению к способности и желанию реагировать на лингвокоррекцию первый тип (уверенные) рассматривается автором пессимистично, а второй и третий типы (неуверенные и неререфлексирующие) – оптимистично [1]. Однако нетрудно убедиться в том, что среди неуверенных и неререфлексирующих носителей языка всегда обнаружится немало пренебрежительно относящихся к такой коррекции *homo neglegens*, которым будет абсолютно все равно, олитературили *homo codificans* их просторечие или нет. Как простодушно поведал нам один далеко не самый безграмотный, но успешный бизнесмен после заданного ему вопроса о механизме выбора одного из двух вариантов: *растаможивать* и *растамаживать*, – «в устной речи я говорю *растамаживать*, а в письменной, конечно, *растаможивать*, потому что есть слово *таможня*». На вопрос о том, почему же слово *таможня* не влияет на выбор в устной речи, он ответил: «Ну, *о* и *а* – это ж «такие дела»: пишем *окно*, а говорим *акно*». «Но ведь в *окно* первая буква *о* не под ударением, а в *таможня* под ударением!» – «Да? Ишь ты, про ударение я не подумал». Последняя фраза оказалась свидетельством того, что и раньше он об этом выборе не думал – рефлексировал только что, на ходу. Очевидно и то, что так же, на ходу, в его сознании случилась подмена понятия: чередование *о* и *а* было мгновенно распространено на все случаи их употребления, в том числе акцентно выделенные. В свою очередь пиетет бизнесмена к письменной правильности, очевидно, объясняется эмпирической наглядностью «печатного слова»: когда *растаможивать* пишешь (набираешь), *таможня* вспоминается быстрее.

В целом можно сказать, что уступки просторечию, на которые идут *homo codificans*, могут быть не только некорректными с позиций соблюдения нормативности, но и напрасными с точки зрения коммуникативной целесообразности. *Homo codificans* с присущими им благородством и щепетильностью допускают то, что *homo reflectens* раздражает и к чему *homo neglegens*, ради которых это допущение и делается, парадоксальным образом оказываются равнодушными.

Теперь мы можем зафиксировать гипотезу о двух парадоксах коммуникации, наблюдаемых в сложных отношениях трех участников ситуации кодификации норм: 1) *homo reflectens* являются союзниками *homo codificans*, но последние этого не замечают; 2) *homo codificans* творят благо для *homo neglegens*, но последним это благо безразлично (см. эпиграф).

Представляется небезынтересной и полезной практическая проверка выдвинутой гипотезы.

Литература

1. Беликов В. И. Стереотипы в понимании литературной нормы / В. И. Беликов // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. — М. : РГГУ, 2009. — С. 339–359.
2. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. — 424 с.
3. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 384 с.

4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. — 8-е изд. — М. : Айрис-пресс, 2007. — 448 с.
5. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. — 2-е изд., испр. и доп. / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — М. : Наука, 2001. — 557 с.
6. Граудина Л. К. Колебания нормы в современном литературном языке : реальность и прогнозы / Л. К. Граудина, Б. С. Шварцкопф // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20—23 мая 1991 г. Доклады. Ч. 1. — С. 99—106.
7. Залевская А. А. Психоллингвистика : пути, итоги, перспективы / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. — 1998. — № 6. — С. 81—94.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1987. — 264 с.
10. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. — № 1. — М., 2001. — С. 90—106.
11. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин // Отечественные записки. — М., 2005, № 2(23). — Режим доступа : <http://www.classes.ru/philology/krysin-05.htm>.
12. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология : к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. — Вып. 426. — Язык. Поэтика. Перевод. — М., 1996. — С. 112—116.
13. Откуда берется языковая норма. Стенограмма передачи «Наука 2.0» — совместного проекта информационно-аналитического канала «Полит.ру» и радиостанции «Вести FM». Гость передачи — доктор филологических наук, зам. директора, зав. отделом современного русского языка Института русского языка Российской Академии Наук Леонид Крысин. 09.11.2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.polit.ru/analytics/2010/11/09/linguistics.html>.
14. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Д. Э. Розенталь. — 4-е изд., испр. — М. : Высш. школа, 1977. — 316 с.
15. Семенюк Н. Н. Норма языковая / Н. Н. Семенюк // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М. : Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 337—338.
16. Скворцов Л. И. О единой нормативной политике в толковых и ортологических словарях русского языка / Л. И. Скворцов // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20—23 мая 1991 г. Доклады. Ч. 1. — С. 327—333.
17. Ширяев Е. Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина / Е. Н. Ширяев // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20—23 мая 1991 г. Доклады. Ч. 1. — С. 44—61.
18. Шпаковская Е. Е. Язык современного чиновника / Е. Е. Шпаковская // Филология, языкознание, дидактика : теория и методика исследований : сб. науч. тр. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. — С. 202—207.